

УДК 398.34 (=161.3)
ББК 63.5-423(=411.3)

Красный угол: сакральное пространство традиционного жилища белорусов

Алла Николаевна Наровская

(Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси:
Республика Беларусь, 220072, г. Минск, ул. Сурганова, д. 1, корп. 2)

Аннотация. В данной статье исследуется семиотическое пространство красного угла традиционного жилища белорусов. Это дает возможность раскрыть глубинные смыслы, лежащие в основе мировоззрения и образа жизни белорусов. Выявляются семиотические особенности предметов, размещенных в пространстве красного угла. Исследуется вопрос включения предметов, размещенных на столе, «кутных» окнах и лавах в символическое пространство красного угла и превращение их в знаки и трансляторы культурных ценностей семьи. В статье приводятся полевые материалы автора, собранные в деревнях Беларуси, для создания рождественского («каляднага») интерьера традиционного жилища в музее под открытым небом. Экспозиция красного угла была построена по принципу этнографической реконструкции. Собранные в экспедициях музейные предметы, а также сведения информаторов по рождественскому интерьеру позволили создать экспозицию не по предметному принципу, а по обрядовому сценарию. Символика предметов раскрывается через их функциональную и пространственную связь с обрядом «калядавання». Во время проведения экскурсий акцентируется внимание посетителей на том, что обычные предметы (стол, рушник, верба, хлеб) вне обряда имеют одно значение, а во время ритуала становятся носителями иного, сакрального значения.

Ключевые слова: традиционное жилище, этнографическая реконструкция, красный угол, икона, стол.

Дата поступления статьи: 24 ноября 2025 г.

Дата публикации: 30 марта 2026 г.

Для цитирования: Наровская А. Н. Красный угол: сакральное пространство традиционного жилища белорусов // Традиционная культура. 2026. Т. 27. № 1. С. 47–57.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2026.27.1.004>

Традиционное жилище является не только местом проживания человека, но и мифопоэтической моделью мира, инструментом социальной регуляции и средством выражения идентичности.

Семиотическая структура позволяет разделить внутреннее пространство дома на несколько функциональных зон и наделить каждую из них определенным значением. Основными зонами традиционного жилища являются красный

угол — сакральный центр и хозяйственный угол — печь как источник тепла, место для приготовления пищи и ритуальных действий. Актуальность исследования обоснована отсутствием комплексного семиотического анализа предметов, размещенных в пространстве красного угла традиционного жилища белорусов. Материалы исследования могут быть использованы при создании музейных экспозиций и реконструкции обрядов (родинных, свадебных, рождественских) в этнографических музеях.

Для изучения феномена красного угла важное значение имеют теоретические работы К. Леви-Стросса. Несмотря на то что К. Леви-Стросс не занимался изучением жилища, его структуралистский подход [Леви-Стросс 1985] оказал большое влияние на изучение семиотики традиционного жилища. Согласно теории структурализма, красный угол можно рассматривать как один из важнейших фрагментов внутренней структуры дома. Он является бинарным отражением других составных частей внутреннего пространства (например, печи, спального места). Анализ бинарных оппозиций (сакральное/профанное, верх/низ, правое/левое) позволяет понять более глубокое значение красного угла традиционного жилища белорусов.

Большой интерес представляет теоретическое исследование Мэри Дуглас “Purity and Danger”, в котором представлен анализ концептов чистоты и опасности и их влияния на организацию пространства. Автор анализирует, как в разных культурах и религиях формируются бинарные представления о чистоте и нечистоте и как они влияют на восприятие человеком окружающего пространства [Douglas 1966]. В нашем исследовании можно провести систему оппозиций, где красный угол противопоставляется печи, мужское пространство — женскому.

На наш взгляд, в рамках данной концепции можно рассматривать также очищение от пыли и грязи пространства красного

угла в наиболее важные временные отрезки года — на Рождество и Пасху: чистка икон, мытье и украшение «кутных» окон веточками вербы, березы, клена как средство защиты от проникновения злых сил.

Интерес для исследования представляет концепция феноменологии Кристиана Норберга-Шульца [Norberg-Schulz 1979]. Главное в ней то, что архитектура должна создавать условия для «пребывания» человека в мире. Феноменологический подход ученого позволяет исследовать, как пространство красного угла традиционного жилища воспринимается и переживается людьми, например, во время проведения семейных и календарных обрядов. Автор уделяет особое внимание важности психологической идентификации человеком самого себя с пространством жилища. Хозяин как бы отождествляет себя со своим домом, его внутренним пространством и всем тем, что является его средой обитания.

Большой вклад в понимание сущности предмета как знака и способа трансляции культурных символов внесли Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров, А. К. Байбурун, А. Л. Топорков. В их работах уделяется внимание таким амбивалентным характеристикам предмета, как внутреннее/внешнее, закрытое/открытое, верх/низ и др.

Красный угол чаще всего располагался в восточной части дома и противопоставлялся остальному пространству дома как сакральное (священное) — профанному (мирскому).

Значимость красного угла проявлялась уже на начальном этапе строительства дома. Место, где должен был находиться красный угол, считалось священным. Согласно полевым материалам, в Западном Полесье, перед тем как срубить дом, под первое бревно в красном углу клали монету (Зап. от А. Г. Макаревича, 1909 г. р., д. Кошелево, Брестский р-н, Брестская обл.) [ПМА 1988]. Такая монета в красном углу была найдена при разборе жилого дома. Раньше это был жилой дом местного войта¹.

¹ *Войт* — в городах Беларуси, Литвы, Польши и Украины в XV–XVIII вв. выбираемое служебное лицо, которое возглавляло магистрат. — *Прим. ред.*

Правнук этого войта передал монету (1861), заложенную в красный угол дома, в дар Белорусскому государственному музею народной архитектуры и быта (Зап. от Д. А. Масляк, 1885 г. р., д. Мохра, Пинский р-н, Брестская обл. Соб. Н. И. Лукьянчик. 1978 г.) [АБГМНАБ 1978. Л. 49].

В архаичной модели мира пространство, в том числе и пространство красного угла, «не является идеальным, абстрактным, пустым, не предшествует вещам, его заполняющим, а, наоборот, конституируется ими. Оно всегда заполнено и всегда вещно; вне вещей оно не существует» [Топоров 1980, 341].

Красный угол выполнял важную семиотическую функцию и обладал высокой сакральной семантикой. Здесь хранились иконы, Библия, крест, освященная верба, свечи, которые активно участвовали в формировании мировоззрения семьи и передаче традиционных ценностей.

Высокий семиотический статус икон требовал соответствующего отношения человека к ним. Иконы не могли быть проданы, их можно было только подарить. Иконы обычно чистили дважды в год — перед Рождеством и Пасхой [Байбурин 1983, 158]. На иконы развешивали праздничные рушники, украшенные вышивкой или тканым узором. По сведениям информатора, по праздникам иконы накрывали «ператыканымі» рушниками, а в будни — простыми «ў ёлачку» (Зап. от М. И. Таранда, 1906 г. р., д. Б. Подлесье, Ляховичский р-н, Брестская обл.) [ПМА 1982]. Среди предметов, размещенных в киоте, особую сакральную значимость имели венчальные, пасхальные, сретенские, четверговые свечи. Они служили оберегом и применялись в период болезней, родов, а также во время стихийных бедствий — грозы, града и пожара.

За иконами хранились веточки вербы, которые освящались в Вербное воскресенье. В праздники верба сакрализовалась и использовалась как средство защиты от болезней и оберег от грозы. Так, в д. Дубровица Хойникского района Гомельской области «як грывіць, паставяць у хаце на

куту вярбу, а як моцна грывіць у вакно заткнуць» [ПМА 1981].

Согласно архивным материалам Российского этнографического музея, когда гроза и град не прекращаются, в Мозырском уезде выносили «крышку дежи — «візко», на нее кладут рушник «надзежнік», икону Св. Николая чудотворца, освященную вербу, громническую свечу, освященную на Громницы» [АРЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 574. Л. 195].

Важнейшим элементом не только красного угла, но и всего жилого пространства был стол. В этнографическом отчете В. К. Костко за 1905–1907 гг. отмечается, что стол обычно стоит в красном углу. В западной части Игуменского уезда Минской губернии часто вместо стола ставится толстая колода. Стол шириною в 6–7 вершков ставится на место колоды только в торжественных случаях [Там же. Д. 352. Л. 47].

Особое отношение к столу обусловлено его семантикой и местоположением в наиболее сакральной части жилища — красном углу. Здесь происходило главное событие для семьи — совместная трапеза, значение которой возрастало во время проведения обрядов (рис. 1). Стол в традиционных воззрениях различных этносов часто отождествлялся с престолом, что подчеркивает его сакральный статус. Семантика стола подробно рассмотрена в работах А. Л. Топоркова, который уделяет особое внимание христианской символике стола и приходит к выводу, что для символического понимания стола в народной традиции решающим является сходство его с церковным престолом [Байбурин, Топорков 1990, 135]. Стол и престол связаны как этимологически, так и семантически.

Во время проведения календарных и семейных праздников семантическое пространство красного угла изменялось: «на Каляды набівалі мелка кірпіч і пасыталі пол. Рушнікі вешалі на святых над кожnym акном» (Зап. от С. Я. Маковского, 1913 г. р., д. Октябрь, Кобринский р-н, Брестская обл.) [ПМА 1981].

К балке в красном углу крестьяне подвешивали сложную объемную

Рис. 1. Семья Хмелевских за трапезой: дед Петр Мелех, его дочь Прасковья Петровна с мужем Антоном Хмелевским и детьми (Коля, Лена и Ваня), д. Лисичицы, Пинский повет. 1930-е гг. Фото Ю. Шиманчик

Fig. 1. The Khmelevsky family at a meal: grandfather Pyotr Melekh, his daughter Praskovya Petrovna with her husband Anton Khmelevsky and children (Kolya, Lena and Vanya), Lisichitsy vil., Pinsk dist. 1930s. Photo by Yu. Shimanchik

конструкцию из соломы — «павука», украшенного бумажными цветами. Как показали полевые материалы, в ряде районов Поднепровья «павука» заменяли луковицей или картофелиной с воткнутыми в него соломинками (Зап. в Хотимском р-не Могилёвской обл.) [ПМА 1988].

Обязательным элементом рождественского интерьера в ряде деревень Осиповичского района были соломенные крестики: «*Каля абраз з саломы крыжык пастановяць, а як выйдзе Каляда, яна еты хрэсцік на яблыньку і навесіць, каб яблычкі не ўпалі*» (Зап. от А. И. Асьмирович, 1902 г. р., д. Мойсеевичи, Осиповичский р-н, Могилёвская обл.) [ПМА 1982]. По сведениям информатора, соломенные

крестики являются оберегом от злых сил, которые были наиболее опасными в праздничные дни («на святкі»).

Рождественский ужин, во время которого осуществлялась связь с умершими предками («дзядзімі»), также требовал максимальной сакрализации пространства. По сведениям Ю. Ф. Крачковского, в красном углу ставили снопы ржи, а на столе и на угловой лавке расстилали сено, куда хозяйка ставила горшок с кутьей [Крачковский 1874, 163].

Зафиксировано множество магических обрядов и поверий, соотнесенных с рождественским столом. Стол для ритуального обеда накрывался праздничной скатертью. Обед сопровождался магическими действиями, связанными с аграрным и защитно-магическим культом. Стол выполнял функцию своеобразного домашнего алтаря. На него и под него размещали предметы, которые имели сакральное значение и символизировали благополучие, плодородие, защиту от злых сил [Нароўская 2022, 135].

На Рождество («Каляды») «*салому і сена клалі на стол, пад настольнік, каб быў багаты ўраджай*» (Зап. от В. А. Пашко, 1926 г. р., д. Кошелево, Брестский р-н,

Брестская обл.) [ПМА 1988]. Такая рождественская музейная экспозиция была создана автором в усадьбе деревни Садовичи в Белорусском государственном музее народной архитектуры и быта. В экспозиции не просто представлены предметы повседневности, но и проведена реконструкция их функционального кода в обрядовой практике (рис. 2).

По сведениям Ю. Ф. Крачковского, вместе с сеном под скатерть насыпали зерна разных культур. Когда сено убирали со стола, смотрели, не осталось ли на столе зерен. Каких зерен было больше, такого вида хлеба будет больший урожай (д. Ольшаны, Ошмянский уезд, Виленская губ.) [Крачковский 1874, 164].

Это зерно наделяли магической силой плодородия и добавляли к семенам. На Рождество на стол и лавки в красном углу укладывали сено и солому. После обеда все вытягивали соломинки: если хозяйка вытянет длинную, это означало, что вырастет хороший урожай льна.

«После обеда хозяин, перекрестившись трижды, садился в красном углу, а жена его, напротив него, спрашивала:

- Чы бачыш ты мяне?
- Не бачу.

Рис. 2. Рождественский интерьер, д. Садовичи Копыльского района Минской области. Начало XX в. Белорусский государственный музей народной архитектуры и быта.
Фото Э. Криштапович

Fig. 2. Christmas interior. Sadovichi vil., Kopyl dist., Minsk region. Beginning of the XX cent. Belarusian State Museum of Folk Architecture and Life.
Photo by E. Krishtapovich

- Каб жа ты не бачыў за стагамі, за копамі, за вазамаі, за снапамі свету.
- Чы бачыш ты мяне, жонка?
- Не бачу.
- Каб жа ты не бачыла за гуркамаі, за гарбузамаі, за качанамі, за буракамаі свету.

Произнеся эти слова, хозяйка брала кочергу и толкала ею хозяина. Он быстро “валіўся” на лавку и говорил: “дай жа Божа, каб снапы так хутка падалі на ніве”» [Шейн 1887, 47].

Со столом были связаны и другие ритуальные действия. Так, в первый день Рождества плели веревку и связывали ею ножки стола, чтобы скотина не вытаптывала поля. Связывание ножек стола было распространено и в других контекстах с самыми различными мотивировка-

ми. Так, исполнение этого обряда обеспечивало успех при расселении пчелиных роев (д. Докшица, Борисовский уезд, Минская губ.) [Крачковский 1874, 166–167]. П. Г. Богатырев, проанализировав этот обряд, пришел к выводу, что, несмотря на различие народных объяснений, обряд подчиняется следующим законам магии: закону контакта и закону подобия [Богатырев 1971, 174–177].

По верованиям белорусов, стол имел магическую силу и символизировал благополучие семьи. Обычай накрывать стол возник в глубокой древности. Ненакрытый скатертью стол символизировал бедность, а иногда это был обычай того или иного ареала Беларуси. Стол накрывали скатертью («ад суботы да суботы») (Зап. от А. Х. Жуковой, 1893 г. р., д. Самораж, Светлогорский р-н, Гомельская обл. Соб. И. И. Рубаник. 1981 г.) [АБДМНАП 1981. Л. 21]. Как показали полевые исследования, в ряде районов Центральной Беларуси, в отличие от остальной территории, стол в обычное время не застилали скатертью и оставляли пустым, без хлеба и соли. Со слов информатора, «стол засцілалі толькі к святу» (Зап. от О. Ф. Свирко, 1917 г. р., д. Марговица, Докшицкий р-н, Витебская обл.) [ПМА 1981]. По сведениям другого информатора, «настольнік засцілалі толькі ў нядзельку» (Зап. от М. И. Таранда, 1906 г. р., д. Б. Подлесье, Ляховичский р-н, Брестская обл.) [ПМА 1982].

Противоположная характеристика получена в юго-западных районах региона Западное Полесье: на столе всегда были хлеб и соль. В обычные дни стол накрывали простой саржевой скатертью, а в воскресенье и праздники — праздничной, украшенной вышивкой или тканым орнаментом. Считалось большим грехом оставлять стол без хлеба и соли (Зап. от Ф. Я. Грома, 1885 г. р., д. Хабовичи, Кобринский р-н, Брестская обл.) [ПМА 1978]. Аналогичная информация есть из других районов Западного Полесья: стол всегда был накрыт скатертью, считалось грехом, если он был не покрыт (Зап. от М. А. Кузьмич, 1925 г. р., д. Толмачево, Столинский

р-н, Брестская обл.) [ПМА 1979]. Так же и в Восточном Полесье: «стол всегда засцілалі скацяркамі, а калі елі то яе здымалі. А потым стол вымывалі і ізноў накрывалі» (Зап. от И. А. Сыч, 1894 г. р., д. Бабичи, Речицкий р-н, Гомельская обл.) [ПМА 1981].

Стол и застольное пространство занимали центральное место в свадебном обряде. Так, по материалам П. В. Шейна, в д. Дяковичи Мозырского уезда в знак согласия выйти замуж девушка брала стол из сеней, ставила его в красный угол, где сидел сват, и накрывала скатертью [Шейн 1902, 394]. По свидетельству информаторов, в Пружанском районе «калі маладая прыязжала да свякрові, то яна клала две скацярці накрывж, а трэцюю наверх» (Зап. от Е. Я. Микус, 1906 г. р., д. Плебанцы, Пружанский р-н, Брестская обл.) [ПМА 1980]. В Кобринском районе невеста, «як прыедуць да яе госці, колькі мае скацярцей выкладывала на стол» (Зап. от М. С. Дорофеюк, 1920 г. р., д. Брилево, Кобринский р-н, Брестская обл.) [Там же].

В этнографических описаниях неоднократно упоминается, что, перед тем как отправиться в церковь, родители благословляли молодоженов и трижды обводили вокруг стола. В других местах это делалось еще торжественнее: так, в д. Еремичи Новогрудского уезда дружка брал белый рушник, один конец которого давал молодому, а другой держал сам, затем трижды обводил жениха вокруг стола, и каждый раз они кланялись всем присутствующим, а также хлебу, стоявшему на столе [Крачковский 1874, 50].

Стол в свадебном обряде был символическим центром самого ценного ритуального пространства красного угла. За столом происходило окончательное вхождение молодой в новую семью и дом, а также символическое открытие лица молодой, благословение родителями молодых. Скатерти также придавалось ритуальное значение. В ряде регионов скатерть клали наизнанку, чтобы молодоженов не сглазили.

Со столом были связаны и многие другие обряды. Так, в случае трудных родов роженицу водили вокруг стола. Е. Р. Рома-

нов писал, что роженицу необходимо водить вокруг стола, покрытого скатертью, чтобы новорожденный был привязан к дому и жил в достатке [Романов 1912, 304].

Таким образом, стол имел амбивалентное значение. С одной стороны, он служил местом семейных и календарных обрядов, имел символическое значение (единство, устойчивость). В праздничные дни в интерьер вводились элементы, семантически превращавшие обычное жилое пространство в семиотическое. Стол включался в систему представлений о благополучном исходе родов, был ритуальным центром в свадебном обряде. С другой — основной функцией стола была ежедневная трапеза, что относило его к обыденному предмету интерьера жилища. За столом можно было заниматься рукоделием и ремеслами, что указывает на его многофункциональность.

При создании экспозиции рождественского интерьера в Белорусском государственном музее народной архитектуры и быта важно было выделить ведущий экспонат в красном углу. Обычно это самый священный предмет, который доминирует над остальными, — икона. Однако нами был выбран другой музейный предмет — стол, благодаря которому можно было показать символическую трансформацию предметов повседневности в обрядовом контексте. Как известно, стол является центром действий во всех обрядах (родинных, свадебных, похоронных, календарных). Чтобы избежать статичности, стол был не просто накрыт скатертью, а экспонировался в процессе обрядовых действий. Например, на столе во время обряда, в зависимости от контекста, можно экспонировать рождественскую кутью или связанные ложки в миске, можно акцентировать внимание на 12 рождественских блюдах, как символе 12 апостолов, и т. д. В родинной обрядности на столе могут размещаться предметы, которые не имеют повседневного применения (например, топор, серп для проведения ритуала). В свадебной обрядности можно акцентировать внимание на разламывании караваля.

Красный угол был не просто оформлен подобно алтарной части храма (киоты с иконами, свечами, Библией и т. д.) — в этом месте, особенно за столом, нужно было вести себя соответствующим образом.

Интересным аспектом является изучение семантики внутреннего пространства жилища. Местоположение человека в жилище лицом к двери определяло горизонтальное деление пространства на правую (мужскую) и левую (женскую) половины. Вертикальное деление пространства основано на возрастной иерархии (старший/младший) и иерархии почетности (почетный / менее почетный) или статусу человека. Традиция рассаживания за столом является символическим актом выявления статуса человека в пространстве жилища. Сегменты внутреннего пространства наделялись разным смыслом, отражали иерархию, степень почетности и гендерные роли (мужские/женские места). Почетным у белорусов считалось сидеть за столом в красном углу (*«сядзець над абразамі»*). Здесь обычно сидел хозяин или приглашенные гости. Например, крестные родители во время семейных торжеств (Мстиславский уезд Могилевской губ.). По обе стороны от хозяина сидели старшие мужчины, за ними — младшие, а на другом конце стола — женщины. Те, кому не хватало места за столом, ели на лавах или около печи. В «Записных книжках А. К. Сержпутовского по Кавказу и Белоруссии» (1911) отмечается, что *«обыкновенно женщины в Беларуси не садятся за стол во время обеда или ужина»* [АРЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 580а. Л. 30]. Этнограф пишет, что в Белоруссии, когда за столом сидят гости, женщины не садятся к столу. В обыденное время только *«на свадьбе, крестинах, поминках, на диды и великие праздники, а особенно на кутью женщины сидят вместе с мужчинами»* [Там же. Л. 33].

И. А. Сербов зафиксировал интересную иерархию рассаживания за столом в Слуцком уезде. Он пишет, что отец сидел в центре стола, а братья или старшие сыновья сидели рядом с ним, женщины сидели где-то с краю на лавах, но часто, если за столом не хватало места, ели стоя

[Сербов 1915, 12]. Если не было отца, его роль в семье обычно выполнял старший женатый сын. Если же он еще не был женат, эту функцию выполняла мать. Женщины преклонного возраста могли занимать почетные места за столом, особенно во время проведения обрядов: крестная на церемонии крещения, крестная одного из молодоженов на свадьбе [Наровская 2022, 133].

Красный угол ассоциировался также с обрядами, определявшими социальный статус и взаимодействие человека и социума. Так, по сведениям информатора, «*дзіцячае месца*» хлопчыка пасля нараджэння *закавалі пад “покуццю”, каб быў на котлішчы/“бацькаўшчыні”*» (Зап. от А. Т. Деменчук, 1908 г. р., д. Ракевичи, Новогрудский р-н, Гродненская обл.) [ПМА 1978].

Некоторые ритуальные действия были направлены на символическое приобщение ребенка к одному из сакральных центров жилища — красному углу или печи. Так, в Витебской губернии кума кладет мальчика на лаву в красном углу (на «*господарское мейсцо*»), а девочку — на запечье («*загнёт*»), чтобы привить любовь к приготовлению пищи («*кухарыцэ*»). Иногда она кладет младенца под стол, чтобы ребенок был ловким, быстрым («*шпаркім*») [Никифоровский 1897, 22].

Не менее значимо пространство красного угла в похоронном обряде. На «кутную» лавку (головой к иконам) клали покойника. Во время похорон обращали внимание на отклонение пламени свечи, которая горела у головы покойника: пойдет в красный угол — хорошо, а если пойдет к дверям, то скоро в доме будет еще один покойник [Мышко 1941, 86].

Устойчивая связь красного угла с комплексом представлений о смерти, предках проявлялась в дни поминовения дедов. Согласно материалам А. К. Сержпутовского, как только умирал человек, на подоконник ставили стаканы или чашки с чистой водой, чтобы душе было где умыться [Сержпутовский 1930, 208]. Существовала традиция: воду ставили на окно и оставляли на 40 дней, чтобы душа

могла «искупаться» в ней. На сороковой день ожидали возвращения покойника домой — на стол ставили дополнительную посуду и стелили чистую постель для гостя в красном углу.

В традиционной культуре каждая вещь (в том числе предметы, размещенные в красном углу) применялась как в повседневной жизни, так и широко использовалась в семейно-календарной обрядности. И если в повседневной жизни это были предметы быта, то в семиотической системе (например, ритуале) они воспринимались как знак, символ [Байбурин 1983, 8]. Одна из задач этнографа — восстановление его смысла, возможно, дошедшего до нас в трансформированном виде.

Существовал ряд запретов относительно стола. Так, М. Я. Никифоровский писал, что пускать на стол кошку, курицу или сажать ребенка считалось «ганебным», так как на нем лежал Божий дар — хлеб и соль [Никифоровский 1895, 317]. В ряде районов Западного Полесья и Центральной Беларуси запрещалось оставлять на столе нож. Опрос информаторов выявил следующее значение: «*нельга нож пакідаць, бо нячысцікі будуць ім усю ноч біцца*» (д. Большое Подлесье, Ляховичский р-н, Брестская обл.) [ПМА 1982]; «*каб у хаце не сварыліся*» (Зап. от Е. Н. Ильинчик, 1907 г. р., д. Бацевичи, Кличевский р-н, Могилевская обл.) [ПМА 1980].

Одним из обычных предметов, которым человек пользуется каждый день и который имеет символическое значение, является ложка. В ряде случаев ложка выступает как бы заменителем самого человека, его символом. За столом ложка могла предсказывать приход гостей: лишняя ложка за столом — к гостю. Ложка упала на пол — женщина в гости придет (д. Синичино, Буда-Кошелевский р-н, Гомельская обл.).

А. Л. Топорков рассматривает ложку как один из символов погребального обряда [Топорков 1985, 87–88]. После похорон или Радоницы в Гомельской области невымытые ложки оставляли на столе вместе с поминальным блюдом, чтобы «деды» могли поесть. Обычно ложки клали на

бортик миски вниз выемкой. Если утром ложка оказывалась перевернутой, значит, предки ею пользовались [Топорков 1990, 95]. Ложки использовались и для гаданий: их раскладывали после рождественского ужина вокруг миски на столе. Как во время поминального обеда, так и во время гаданий структура обряда кормления душ полностью сохраняется, меняется лишь его функция. Гадания широко распространены в Беларуси, переходные формы между обрядом кормления и гаданием до сих пор встречаются на Полесье.

Рассматривая вопрос об использовании предметов интерьера в красном углу, необходимо отметить множественность их функционального назначения. Это прежде всего функции охраны будущего урожая, охраны здоровья людей и домашних животных. Обрядовые действия с предметами интерьера во многих случаях были обусловлены сохранением остатков языческих верований. Как показывают этнографические материалы, к концу XIX — началу XX в. смысл обрядов часто терялся или приобретал новую трактовку.

Итак, красный угол в традиционном жилище — это сложная семиотическая система, которая отражает религиозные верования, культурные ценности и мировоззрение белорусов. Он является основным компонентом в семиотической структуре жилища. В красном углу

происходит интеграция вертикального (сакрального) и горизонтального (повседневного). Сакральные предметы (иконы, верба, свечи, Библия) формируют космическую вертикаль, показывают связь с высшими божественными силами и отражают мировоззрение этноса. Предметы повседневности (стол, миски, ложки, рушники), включенные в обрядовые действия, подвергаются временной сакрализации, переставая на время быть просто вещами и становясь предметами ритуала. Опыт музейной визуализации, основанный на этнографическом материале, должен быть сосредоточен на передаче не самих предметов, а их функции в системе смыслов. Музей должен избегать статического показа артефактов. Его задача — реконструировать семиотическую траекторию, помочь посетителю «прочитать» этот комплекс, чтобы понять мировоззрение предков. Успешная музейная экспозиция красного угла — та, которая декодирует сакральные свойства, заложенные в предметах повседневности. Она доказывает, что для человека в традиционной культуре не существовало четкой границы между «священным» и «обычным». Любой предмет, помещенный в правильный контекст (красный угол и обряд), становится носителем глубинного культурного кода.

Источники и материалы

АБГМНАБ 1978 — Архив Белорусского государственного музея народной архитектуры и быта. Отчеты о научных командировках по РБ (14.01–27.05.1978). Отчет о командировках в Пинский, Ивановский и Столинский районы, Брестская обл. 27.03.–01.04.1978.

АБГМНАБ 1981 — Архив Белорусского государственного музея народной архитектуры и быта. Отчеты о научных командировках по РБ (1981). Отчет о командировке в Светлогорский район, Гомельская обл. 22.03.–24.03.1981.

АРЭМ — Архив Российского этнографического музея.

Крачковский 1874 — *Крачковский Ю. Ф.* Быт западнорусского селянина. М.: Унив. тип. (Катов и К^о), 1874.

Леви-Стросс 1985 — *Леви-Стросс К.* Структура мифов // Структурная антропология /

[Пер. с фр. под ред. и с прим. В. В. Иванова]. М.: Наука, 1985.

Мышко 1941 — *Мышко А. П.* Этнография деревни Рывков Скидельской волости Гродненской губернии 1941 года // Сов. этнография: Сб. ст. 1941. № 5. С. 81–88.

Никифоровский 1895 — *Никифоровский Н. Я.* Очерки простонародного житейства в Витебской Белоруссии и описание предметов обиходности: этнографические данные: с географическим видом Витебской губернии и четырьмя чертежами в тексте. Витебск: Губ. типолиотгр., 1895.

Никифоровский 1897 — *Никифоровский Н. Я.* Простонародные приметы и поверья, северные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах. Витебск: Губ. типолиотгр., 1897.

ПМА — Полевые материалы автора.

Романов 1912 — *Романов Е. Р.* Белорусский сборник. Вып. 8: Быт белоруса. Вильно: Тип. А. С. Сыркина, 1912.

Сербов 1915. — *Сербов И. А.* Белорусы-сакуны: краткий этнографический очерк. Пг.: Тип. Имп. Акад. наук, 1915.

Сержпутоўскі 1930 — *Сержпутоўскі А. К.* Прымкі і забабоны беларусаў-палешукоў Менск [Мінск: б. в.], 1930.

Шейн 1887. — *Шейн П. В.* Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края: [В 3 т.]. Т. 1. Ч. I: Бытовая и семейная жизнь белоруса в обрядах и песнях. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1887.

Шейн 1902 — *Шейн П. В.* Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края: [в 3 т.]. Т. 3. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1902.

Исследования

Байбурин 1983 — *Байбурин А. К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1983.

Байбурин 1990. — *Байбурин А. К., Топорков А. Л.* У истоков этикета: Этногр. очерки. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1990.

Богатырев 1971. — *Богатырев П. Г.* Вопросы теории народного искусства. М.: Наука, 1971.

Нароўская 2022 — *Нароўская А. М.* Семіётыка традыцыйнага жылля беларусаў: У 2 кн. Кн. 1: Жыллё як сімвал культуры. Мінск: БДУКМ, 2022.

Топорков 1985 — *Топорков А. Л.* Об одном символе в поминальной обрядности в гаданиях восточных славян (ложка) // Балто-славянские этнокультурные и археологические древности: погребальный обряд: Тез. докл. М.: Ин-т славяноведения и балканистики, 1985. С. 87–88.

Топорков 1990 — *Топорков А. Л.* Домашняя утварь в поверьях и обрядах Полесья // Этнокультурные традиции русского сельского населения XIX — начала XX в. М., 1990. С. 67–135.

Топоров 1980 — *Топоров В. Н.* Пространство // Мифы народов мира: Энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1980. Т. 2.

Douglas 1966 — *Douglas M.* Purity and danger: An analysis of the concepts of pollution and taboo (1st ed.). London: Routledge and Kegan Paul, 1966.

Norberg-Schulz 1976 — *Norberg-Schulz C.* Genius Loci: Towards a Phenomenology of Architecture. New York: Rizzoli, 1979.

© А. Н. Наровская, 2026

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Наровская А. Н. <https://orcid.org/0009-0005-9066-5149>

Кандидат исторических наук, доцент, докторант Института искусствоведения, этнографии и фольклора им. Кондрата Крапивы Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси: Республика Беларусь, 220072, г. Минск, ул. Сурганова, д. 1, корп. 2; тел.: + 375 29 620-99-14; e-mail: anarovskaya@gmail.com

The Red Corner: a Sacred Space of the Traditional Belarusian Home

Ala N. Narouskaya

(Center for the Belarusian Culture, Language and Literature Studies, National Academy of Sciences of Belarus: 1, bld. 2, Surganova str., Minsk, 220072, Republic of Belarus)

Summary. *This article explores the semiotic space of the red (or sacred) corner in traditional Belarusian dwellings. The study of the semiotics of the red corner allows us to uncover the deep meanings that underlie the Belarusian worldview and lifestyle. The article investigates the inclusion of objects placed on the table, the “kutny” (corner) windows, and benches, into the symbolic space of the red corner and their transformation into symbols and transmitters of family cultural values. The article presents the author’s field materials collected in villages in Belarus that she used to*

create a Christmas interior (“kalyadnaga”) of a traditional dwelling in an open-air museum. Her reconstruction of the red corner was based on ethnographic principles. The objects for the museum are accompanied by information from informants regarding the Belarusian Christmas interior. This allows for an exposition not based primarily upon objects, but on ritual scenarios. The symbolism of the objects is revealed through their functional and spatial connection with the ritual of “kalyadavanne” (Christmas caroling). During guided tours, attention is drawn to the fact that ordinary objects (the table, rushnyky [embroidered towels], pussy willow, bread) have one meaning outside the ritual, but within it become carriers of the object’s sacred meaning.

Key words: traditional dwelling, ethnographic reconstruction, red corner, icon, table.

Received: November 24, 2025.

Date of publications: March 30, 2026.

For citation: Narouskaya A. N. The Red Corner: a Sacred Space of the Traditional Belarusian Home. *Traditional Culture*. 2026. Vol. 27. No. 1. Pp. 47–57. In Russian.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2026.27.1.004>

References

Baiburin A. K. (1983) Zhilishche v obryadakh i predstavleniyakh vostochnykh slavyan [Dwellings in the Rituals and Ideas of the Eastern Slavs]. Leningrad: Nauka. Leningr. otd.-nie. In Russian.

Baiburin A. K., Toporkov A. L. (1990) U istokov etiketa: etnogr. ocherki [At the Origins of Etiquette: Ethnography. Essays]. Leningrad: Nauka. Leningr. otd.-nie. In Russian.

Bogatyrev P. G. (1971) Voprosy teorii narodnogo iskusstva [Questions of the Theory of Folk Art]. Moscow: Nauka. In Russian.

Douglas M. (1966) Purity and Danger: An Analysis of the Concepts of Pollution and Taboo. London. In English.

Narouskaya A. M. (2022) Semiytyka tradytsynaga zhylyya belarusay [Semiotics of the Traditional Belarusian Dwelling]. Minsk: BDUKM. Book. 1. In Belarusian.

Norberg-Schulz C. (1979) Genius Loci: Towards a Phenomenology of Architecture. New York. In English.

Toporkov A. L. (1985) Ob odnom simvole v pominal'noi obryadnosti v gadaniyakh vostochnykh slavyan (lozhka) [On One Symbol in the Funeral Rites and Fortune Telling of the Eastern Slavs (The Spoon)]. In: Balto-slavyanskije etnokul'turnye i arkhologicheskie drevnosti: pogrebal'nyi obryad [Balto-Slavic Ethnocultural and Archaeological Antiquities: The Funeral Rite]. Moscow: In-t slavyanovedeniya i balkanistiki. Pp. 87–88. In Russian.

Toporkov A. L. (1990) Domashnyaya utvar' v pover'yakh i obryadakh Poles'ya [Household Utensils in the Beliefs and Rituals of Polesia]. In: Etnokul'turnye traditsii russkogo sel'skogo naseleniya XIX — nachala XX v. [Ethnocultural Traditions of the Russian Rural Population of the Nineteenth — Early Twentieth Centuries]. Moscow. Pp. 67–135. In Russian.

Toporov V. N. (1980) Prostranstvo [Space]. Mify narodov mira: Enciklopediya [Myths of the Peoples of the World: Encyclopedia]. Moscow: Sov. entsiklopediya. In Russian.

© A. N. Narouskaya, 2026

ABOUT THE AUTHOR

Ala N. Narouskaya <https://orcid.org/0009-0005-9066-5149>

E-mail: anarovskaya@gmail.com

Tel.: + 375 29 620-99-14

1, bld. 2, Surganova str., Minsk, 220072, Republic of Belarus

DSc in History, Associate Professor, Doctoral Researcher, K. Krapiva Institute of Art History, Ethnography and Folklore, Center for Belarusian Culture, Language and Literature Studies, National Academy of Sciences of Belarus

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)